

ПАВЕЛ ЗАВАРИЦКИЙ

«Наш полк первый вошел в Варшаву...»

Судьба Павла Емельяновича Заварицкого тесно связана с лейб-гвардии Финляндским полком. Воспитанник Императорского сиротского дома, за отличную успеваемость он был выпущен в один из лучших полков гвардии. Он поступил в полк в июне 1827 года, был переведен из него в чине полковника через 20 лет. Публикуемые выдержки из записок П. Е. Заварицкого относятся ко времени штурма Варшавы в 1831 году. В это время автору было 22 года; этим и объясняется определенная эмоциональность его записок. Его заслуги в этой кампании были отмечены орденами св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени с бантами.

Капитуляция польских войск 7 сентября 1831 г. Худ. А. А. Коцебу. 1846 г.

25 Августа в 7 часов утра.

Под Варшавой на поле сражения

Едва показалась утренняя заря, нам велено становиться и идти к самой Варшаве. Решительные минуты! В полках молчание, каждый ждет чего-то важного. Тихо вышло на горизонт солнце, прикрываемое легкими облаками, наконец раздался выстрел, другой, беглый пушечный огонь не прерывался несколько минут; поляки

сделали первые выстрелы, 36-пушечная батарея выставлена была против укреплений Воли, селения служащего предместием Варшавы по Блонскому шоссе; укрепления сим облегающие каменный костел, почитаются самым сильным пунктом Варшавских укреплений. Русские и поляки не жалеют выстрелов, пушечный огонь не умолкает, войска наши грозными массами движутся около первой линии укреплений; вот батальный огонь,

вслед за ним ура и все затихло — это взят редут Севским и Елецким полками. Из взятого редута показался дым черным облаком, слышен треск — это взорвало пороховой погреб, на штурме потеряно только 12 человек, поляки убежали в другую линию своих окопов.

2 часа пополудни.

Воля взята после трехчасовой атаки, долго и упорно держались

поляки в укреплениях, костел изстрелян нашими ядрами. Долго не умолкал батальный огонь, два раза бросались поляки, желая обратно завладеть Волею, но храбрые наши войска и батарея с 103 орудий, заставила их отступить к городу с великою потерей: 3000 поляков убито и 2000 положили оружие; первый линейный полк, именовавшийся полком Ксенжа Миколая, дрался упорно и почти весь был истреблен. До сего времени взято 3 укрепления, в них поставлены орудия и обращены на вторую линию. Сегодня не были в деле Гвардейский и Гренадерского корпуса 1 и 2 дивизия, сии войска составляли резерв.

Сумерки.

Наши батареи целый день переговаривались с неприятельскими батареями, теперь все умолкло. Бригаду нашу поставили у деревни, несколько Конгреевых ракет¹ разорвало между батальонами нашего полка, но они не сделали никакого вреда, сими же ракетами неприятель зажег деревню Раковиец, в городе к вечеру показался густой дым, горело несколько домов. Поляки и русские разводят огни, солнце закатилось.

День был довольно холодный, невзирая на то, что солнце светило во все время. Паскевич проезжал мимо нашей бригады и был очень весел, благодарил за службу, хвалил охотников первой нашей бригады, которые с армейскими взяли два укрепления, обещал нам, что и мы будем также в деле, — солдаты кричали ура! Что будет завтра, может быть... но удалим все неприятное, я еще увижу вас, милые друзья!

Сегодня Нумеру оторвало ногу, жаль бедного, 24-го числа я видел его, и он шутил со мною и был весел.

26 Августа. 7 часов утра.

Поле сражения.

Величественно взошло из-за горизонта солнце, туман мало по малу редет и осушивается обильная роса вчерашней холодной ночи. Вчера я проснулся около полуночи, глубокая тишина, все теперь чистое небо усеяно звезда-

ми, кругом Варшавы пылают русские костры, над городом легкое зарево от польских бивуаков.

Взошло солнце — друзья, это солнце Бородинской битвы, так же величественно оно в этот день освещало безпримерную битву и одарило оружие наше вечною, как свет солнца, славою, и теперь оно играет на штыках наших и еще озарит, может быть, кровавую битву. Перед нами идет редкая ружейная перестрелка, башни, дома и батареи Варшавы выходят из тумана; артиллерия, кирасиры и легкая кавалерия тянутся на правый фланг, колонны пехоты строятся, двигаются — ждем сражения.

11 часов пополудни.

Батареи молчат, уже несколько часов все тихо; сначала тишина сия удивляла нас; но мы узнали, что из Варшавы приехала депутация для переговоров, она состоит из Генералов Малаховского², Краковицкого³ еще одного, из 2 полковников и 4 адъютантов, они теперь в Воле, где главная квартира Фельдмаршала, там и Великий Князь⁴, говорили довольно горячо, депутация уехала в Варшаву, дано сроку для получения ответа полтора часа, в час нам велено быть готовым к бою. Я сию минуту был в редуте взятом Севским и Елецким пехотными полками, в нем одно чугунное (ядро) орудие отлитое поляками в 1831 году и одно орудие присланное Государем в Варшаву из Варны. Ружья, железные колы, разорванная амуниция валяются в редуте. Тут же находится под арестом майор 1-го линейного полка, комендант сего редута, взятый в нем при штурме.

С каким нетерпением ждем, что будет последствием переговоров, сдастся ли Варшава без решительного штурма, или сегодня же кровавый приступ решит судьбу Варшавы.

27 Августа. 4 часа пополудни.

Прага. Четверг.

Я жив, я был на штурме Варшавы, и наконец теперь в Пражском Тетде-понт⁵, все впечатления вчерашнего дня и ночи, все что чувствовал смешалось в голове моей, и я воспоминаю о прошлом как о

грезам испуганного воображения, как о страшном сне. Так это свершилось и конечно займет в Записках моих несколько страниц, где вы, милые друзья, услышите только про кровь, смерть, пожары, взрывы и все, что может пугать и ледяное воображение. Это предисловие хотя и нескладное, но сходное с моими чувствами, теперь обращаюсь к вчерашнему дню.

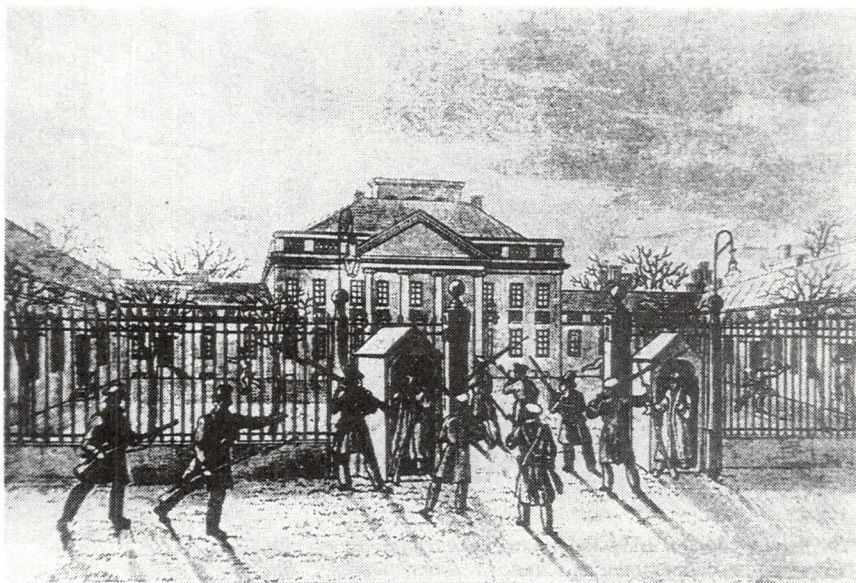
До первого часу пополудни должны были кончаться переговоры с поляками, по всюду была глубокая тишина, все батареи молчали, говорили, что Варшава сдалась, весть эта быстро распространилась по всем войскам, мы радовались, что дело кончилось без кровопролития, мы видели окончание Кампании и всех трудов наших, но вдруг пушечный выстрел, мы смотрим на часы и ровно час; вслед за выстрелом открылась жестокая канонада со стопушечной батареи у Воли, из Варшавы отвечали тем же. Итак мы штурмуем город. Какая быстрая перемена чувств! мы забыли о мире, о покое, ждем с нетерпением той минуты, когда нас введут в дело.

Бригада наша стояла вне пушечных выстрелов, с нашей позиции все было видно как на ладони. Батарея у Воли около часа проводила жаркую канонаду, наконец загремели батареи на левом нашем фланге, с правого двинулись к Варшаве колонны пехоты; кавалерия и пехота левого фланга к центру атаки к Ерузалимским воротам. Поляки открыли огонь со всех редутов, подвергая наши колонны перекрестным выстрелам. У Генерала Муравьева⁶ на левом фланге поляков была сильная ружейная перестрелка, и первая атака была опрокинута, несколько пороховых ящиков взорвало на воздух. Вдруг видим, мчится по полю адъютант прямо к нашей бригаде, нам велено идти на подкрепление Генерала Муравьева, действовавшего на правом нашем фланге. В несколько минут мы выстроились и пошли, дойдя до деревни Раковиец на Краковском шоссе, Егерский полк пошел вправо от шоссе, наш полк влево, Литовский и Волынский полки пе-

рестреливались с неприятелем за-
севшим в Корчме из-за редута вле-
во от Краковской дороги, редут
сей был оставлен поляками и за-
нят без выстрела. С барабанным
боем стройно колонны нашего
полка двигались вперед, но ядра
неприятельские ложились впе-
реди нас в кавалерийские колонны
прикрывавшие орудия в первой
линии; но вот уже гранаты рвало
около нас и с каждым шагом впе-
ред огонь неприятельской 6-пу-
шечной батареи поставленной на
самом шоссе был обращен на нас,
кавалерия бывшая впереди нас от-
ступила и мы остались в первой
линии, неприятельский редут
вправо открыл также по нас силь-
ный огонь продольными выстре-
лами из осадных орудий, редут
влево также стрелял по нас из двух
орудий. Подойдя под прицел трех
перекрестных батарей и прибли-
зясь к Польской батарее, стоящей
на шоссе, на картечный выстрел,
колонны остановились около ста-
рого земляного укрепления, ско-
ро завизжала картечь и осыпала
наши колонны, с нами было толь-
ко 2 легких армейских орудия;
наконец неприятель открыл огонь
с 4-й батареи около самых Еруза-
лимских ворот, колоннам нашим
было велено лечь. Сильный пере-
крестный огонь 4 неприятельских
батарей наводил ужас, ядра, гра-
наты, картечь выбивали целые
ряды или у нас, или в кавалерии,
стоявшей сзади нас. Более часу
мы стояли под адским огнем; ре-
дут влево от нас в глазах наших
был взят, тогда 6 орудий батарей-
ных 6-й артиллерийской бригады
действовавшие против того реду-
та обращены были на польские
орудия стоявшие на шоссе, еще
прибыли 4 орудия 2-й легкой гвар-
дейской артиллерии и были обра-
щены на ту же батарею. Армей-
ские полки пошли с барабанным
боем к городу, и город запылал,
мы тот час же двинулись также к
городу провожаемые учащенным
огнем 6 неприятельских орудий.
Под самым городом у фабрикант-
ских домиков мы остановились,
тут у нас убито несколько человек,
польская 6-пушечная батарея
наносившая нам много вреда
снялась и рысью уехала в Еруза-

лимские ворота. Через огороды и
сады провезли 6 батарейных ору-
дий 6-й бригады, наша бригада
прикрывая их повернула вправо к
Ерузалимским воротам, где нас
встретили уже пули, поляки сиде-
ли за главным валом и открыли
жаркий огонь против Самоштско-
го и Несвижского карабинерного
полков. Избранные охотники
Финляндского и Егерского полков
пошли к ним на подкрепление и
остановились за корчмой. Тут

другие лезли на бруствер, подходя
к ним мы встречены были баталь-
ным огнем, с криком ура 4-й ба-
тальон наш бросился к воротам,
за нами ободренные гренадеры, и
ворота и за ними лежащая пло-
щадка были заняты, поляки пос-
пешно отступили. К Ерузалимс-
кой заставе идет прекрасная то-
полевая аллея, простирающаяся до
самых Лазенок через улицу Но-
вый Свят, вправо от сей аллеи тол-
пились армейские полки совер-

Взятие Бельведера 29 ноября 1830 г. Гравюра Ф. К. Дитриха.

представилась нам ужасная кар-
тина: багровое пламя и густой дым
клубами носился перед городом,
сады и дома все пылало, в пламе-
ни без умолку гремел ружейный
огонь прерываемый раскатами вы-
стрелов из орудий, ура слилось в
протяжный гул, солнца не видно
было в густоте дыма, вечер при-
ближался и увеличивал блеск по-
жаров. 4-му и 3-му батальонам на-
шего полка приказано идти к Еру-
залимским воротам на подкрепле-
ние Гренадерским полкам, там
упорно защищались поляки. Две
круглые башни прекрасной архи-
тектуры образуют Ерузалимские
ворота, к ним примыкают валы
главного вала, толстые палисады
образующие полукруг запирают
вход в ворота, груды тел лежали у
ворот с их, где столпились солдаты
какого-то гренадерского полка,

шенно смешавшись, было совер-
шенно темно и одни пожары ос-
вещали всю эту картину, полко-
вые командиры собирают свои
полки, тут кричат Виртембержцы
сюда, там Киевские сюда, караби-
неры такого полка сюда, из об-
щей шумной толпы построились
довольно скоро по полкам, огонь
не умолкал, польские биваки пы-
лали; выстроившись полки пошли
на позицию, кучи обезображенных
трупов лежали кругом них. Из-за
огня стреляли в нас, одни говори-
ли, что это поляки, другие утвер-
ждали что свои, пули свистали
кругом, никто не знал, где непри-
ятель, где наши, темнота способ-
ствовала увеличению беспорядков.
Генералы Муравьев, Шильдер⁷,
Палешко и еще другие стояли в
самых воротах, они говорили, что
сегодня должно остановиться и

удерживать главный вал по назначению Фельдмаршала, саперы в главном вале проделывали амбразуры, которые должны были быть готовы для ста орудий долженствовавших действовать по городу. Ночью все время беспокоила нас батарея, коей ядра ложились около нашего батальона, думали, что это своя батарея нас угощает, но после узнали, что в саду еще оставалась Польская батарея.

Наконец Киевский полк занял

тохи едва приходила в порядок, голова тяжела и я не был в состоянии ни радоваться, ни печалиться. Отыскав своих офицеров мы поздравляли друг друга, из уст каждого о вчерашнем дне слышалось только: «ад, ад». Генерал Палешко, посевший в сражениях, называл огонь в котором мы были во все время штурма, — ужасным! Итак день прославивший Русское оружие и занимавший кровавые страницы в истории 1812 года,

Великая Суббота 1831 года, или Демонстрация знамен, захваченных у неприятеля 1 апреля. Литография Т. Вивье.

лабораторию, я в то время был в цепи; представьте себе клубы дыма и пламя разных цветов — розовое, белое, красное, синее — образовали как бы пылающий транспарант, из коего с треском вылетали букеты святающихся ядер, ракет, бураков, обломки горящих бревен, присовокупьте к тому пылающий город, балаганы, гром пушек, визг пуль и ядер, дробь батального огня, то вы увидите картину ужасную, единственную, которую вполне не может изобразить ни кисть, ни перо.

После полуночи стало мало помалу умолкать, с разсветом утихло все, изредка раздавались выстрелы, я изнуренный уснул перед рассветом, просыпаюсь и говорят, что опять переговоры, войско Польское сдается, и мы вступаем в Варшаву. Я не понимал тогда чувств своих, изнурение, волнуемая кровь от вчерашней сума-

день битвы Бородинской, — озаменовался еще одной кровавой битвой под Варшавою. 25 Августа оторвало ногу поручику Августу Федоровичу Нумеру, благородному и умному товарищу, он умер от варварской операции пьяного доктора; 26 Авг. ногу оторвало молодому прапорщику графу Кронгельму, он также скоро умер как герой, поручик Сумароков ранен в ступню левой ноги пулею; капитан Нелидов и поручик Аминов контужены.

Сегодня в 5 часов утра мы через Ерусалимские ворота по прекрасной аллее вошли в город. Немецкие семейства вышли к нам навстречу.

Наш полк первый вошел в Варшаву, сзади нас егеря, а там лейб-гренадеры, без торжества, без музыки, знамена в чехлах, нам приказали занять Прагу. Пройдя отрядом по улицам Новый Свят,

Краковским предместьем и спустясь по улице Беднарска мы остановились у Пражского моста. У окон и у ворот домов стояли жители, я худой физиогномик, но сам Лафатер не мог описать общий характер лиц жителей Варшавы, прелестные женщины смотрели на нас из окон, одни с горестью подпрясь на локоть, в иных кланялись нам махая белыми платками, многие в глубоком трауре смотрели на нас сурово, вообще на больших лицах мы видели выражение неприязни и ненависти к нам. У моста стоял Краковицкий, генерал-губернатор Варшавы, около нас толпились поляки и польки, то есть: толпы любопытных; 48 часов дано войску на свободный выход из Варшавы с оружием, польские солдаты ходили в Прагу и из Праги, повозки с имуществом, жены, все это тянулось в Прагу. Досадно было смотреть на эти гордо-подлые лица офицеров, которые брэнча саблями проходили и проезжали мимо нас, с некоторыми говорили мы, с какою злобою было говорено каждое их слово, многие из них проходили мимо Великого Князя не отдавая никакой чести и смотрели с пренебрежением, досадно было смотреть, сердце было не на месте, каждый солдат горел местию. Краковицкий с двумя адъютантами стоял около нашего полка, пьяная толпа с оружием стояла у Праги и не хотела пускать нас. Генералу Берху поручено занятие Тет де Пона, поляки должны были по условиям капитуляции его очистить к 6 часам утра, но мы дожидались до 10 часов и все еще его не очищали. Краковицкий несколько раз посылал своих адъютантов, но их не слушались, наконец Берх сказал Краковицкому решительным тоном, что если сей час не очистят мост, то он возьмет его штурмом. Краковицкий отвечал, что не он заключал капитуляцию, а генерал Малаховский, и просил Берха немного подождать, что это пьяный народ, который сам разступится. Берх дал знать Главнокомандующему, что он нашел нужным подождать несколько времени и если толпа не разойдется что он возъ-

мет мост штурмом. Между тем 60 орудий выстроились по берегу Вислы против Праги, наш полк был в совершенной готовности к бою, Аттаманский полк с распущенными хоругвями был готов ударить вслед за нами, все это было устроено в тишине не показывая своего решительного намерения, солдатам своим мы не позволили покушать вина и разговаривать с народом и польскими солдатами, чтобы не вышло какой неприятной истории. Один еврей, женщина и поляк говорили нам, что под мостом есть мины, мы с нетерпением ждали, чем все это кончится, и хотя совершенно готовы были к штурму, но опасались неудачи от взрыва. Наконец собравшаяся на мосту толпа разходилась мало по малу, в одиннадцатом часу приехал Витт, наш полк быстро двинулся по мосту оставляя у каждого плашкота по 3 человека, из коих один сидел в самом плашкоте и осматривал внутри, таким образом после нескольких часов самого неприятного положения наш полк первый вошел в Тет де Пон, везде разставлены караулы и часовые, несколько батарейных орудий заняли валы мостового прикрытия, польские войска в наших глазах тянулись по дороге в Модлин, польские офицеры со своим имуществом ездил везд и вперед, солдаты и женщины с узлами шли из Праги. Польский инженерный полковник Лемвель, брат известного профессора, комендант Праги, сдавал мостовое прикрытие, в нем оставалось несколько крепостных орудий, но порох был весь увезен; 800 человек пленных русских, большею частью Литовского корпуса, без сапог, в оборванных шинелях присоединились к нам. Таким образом Варшава и Прага заняты, 6 полков гвардии вошли в город с музыкой и распущенными знаменами, их поставили на площадях, орудия против улиц с запряженными лошадьми, половина солдат ночью станут в ружье, точно то же приказали и в мостовом прикрытии. Впереди Праги казачья цепь, в ночь завтра кончится срок свободного входа и выхода из Варшавы как польским

офицерам так и солдатам, для них взяты все меры предосторожности, чтобы они не сделали каких либо беспорядков и не сожгли моста.

Поляки должны сложить оружие в Модлине, Плоцке и Митава, где находятся их отряды. Малаховский доставил строевой список польской армии, о числе орудий, убитых и раненых в их армии, а Паскевич дал им до Плоцка маршрут; через 48 часов должен придти ответ сложило-ли войско оружие согласно с капитуляцией. Народ толпами стоял по улицам, по коим проходила гвардия с музыкой, любопытная гоноровая шляхта крутила свои усы. Жители сносят оружие в Ратушу и около 1000 человек польских солдат ушли из своей армии.

Потеря наша под Варшавою 25 и 26 считается 10500, убито 950, офицеров выбыло 550 человек и 3 Генерала, польская потеря состоит из 100 000 человек, взято в последний день 61 орудие, сожжено в Вольском предместьи 160 домов. Сегодня утром вышла последняя Польская дивизия генерала Малаховского.

26 Августа во время переговоров продолжавшихся до часу пополудни, в Варшаве везде кричали, что русские прогнаны и ретируются, но когда в час открылась ужасная канонада, то буйные головы провозглашали везде, что русские лезут пьяные на батареи, что их напоил Ксенж Михаил, чтобы жители все вооружались, что русские хотят их всех перерезать и истребить город. В ночь, когда вторично начались переговоры польские войска уже выходили из Варшавы и к утру осталась только одна дивизия.

Глубокие рвы, толстые палисады, несколько рядов редутов и батарей взаимно обстреливаемых, твердый пункт Воля, заставили мыслить поляков, что мы должны несколько месяцев стоять под Варшавой, в Воле было на месяц запасов, они не могли и думать чтобы ее можно было взять в несколько часов, и что не сделают русские, дни превратились в часы и варшавских укреплений не существует; самые строгие знатоки военного дела, узнав, как была ук-

реплена Варшава и как скоро она была взята, не будут вторить и невольно скажут: «что не сделаешь с русскими солдатами». И точно, только двинется колонна, как и не существует неприятельской батареи. Михаил Павлович видел как мы стояли под ужасным огнем со всем хладнокровием, Толь, Муравьев превозносили нас, словом в эту кампанию мы более утвердили славу нашего полка.

Во все время, как мы стояли у моста, я сидел в улице Добра на дворе у пана Чапского, где хорошенькие польки потчивали нас пивом и водкой, день был жаркий, но мы отказывались от всего, они были недовольны, но сами пробовали, говоря: «если паны боятся, то мы сами попробуем», мы все таки отказались к их досаде.

Тет де Пон наш оживился престелным полом, женщины, кажется, помирились с врагами москалями, гуляют вдоль бивака и валов.

Хвала Богу, я жив, наш полк первый вошел в Варшаву, и вся гвардия заняла город. Становится темно, кончаю письмо, вы, конечно, меня простите, когда скажу вам, что я не отдыхал с вчерашнего сражения.

ОПИ ГИМ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 247. Л. 227—241.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Конгрессы ракеты названы по имени изобретателя — английского инженера и артиллерийского полковника Уильяма Конгрева (1772—1828).
2. Малаховский Казимир (1765—1845) — польский генерал. Сражался во Французской армии, после Березинской переправы получил чин генерала. Один из руководителей Польского восстания 1830—1831 гг. Умер во Франции.
3. Краковицкий — граф Иван Петрович Круковецкий (1770—1850), польский генерал. В 1830—1831 гг. генерал-губернатор Варшавы. После взятия Варшавы был сослан в Казань. Умер в Варшаве.
4. Великий князь Михаил Павлович (1798—1849) в польской кампании командовал гвардейским корпусом.
5. Тет-де-понт (пон)(фр.) — предмостное укрепление.
6. Муравьев (Карский) Николай Николаевич (1794—1866) при штурме Воли и Варшавы командовал одной из колонн.
7. Шильдер Карл Андреевич (1795—1854) — выдающийся военный инженер, изобретатель морских мин, подводной лодки и т. д.

Предисловие и публикация
АЛЕКСАНДРА КУХАРУКА